

Джон Мильтон Возвращенный рай

КНИГА ПЕРВАЯ

Я пел доселе, как утратил Рай
Преслушный человек; а днесь пою,
Как Рай людскому роду возвратил
Престойкий Человек, что всяк соблазн
Отверг и, Соблазнителя презрев
Лукавого, осилил и попрал;
И в пустошах воздвигся вновь Эдем.
О Дух, Который Светлого возвел
Отшельника в пустыню, где врага
Духовного сразил Он — и отколь
Вернул Ты Бога-Сына! Вдохнови,
Как раньше, песнь мою — иначе нем
Пребуду! Дай могучие крыла,
Сквозь высь и бездну пронеси, дабы
Я подвиги воспел геройских паче,
Но тайные — а не пристало им
В забвении веками пребывать.

Великий Вестник, возвышая глас,
Торжественнейший трубного, призвал:
"Покайтесь, ибо Царство Божье близко
Для всех крещающихся!" И притек
Люд из краев окрестных; а с толпой
И мнимый сын Иосифа пришел
На Иордан: пришел смирен и прост,
Еще безвестен; но Предтеча вмиг
Его признал, наставлен Богом. "Сей, -
Он рек, — меня Сильнейший." И робел
Священный долг исполнить; а когда
Решился, растворились Небеса
Над Тем, Кого крестил, и Дух Святый
Нисшел, как голубь, и глагол Отца
Раздался: «Ты Возлюбленный Мой Сын!»
Сие услышал Враг, зане бродил
Он по земле, и в том собранье славном
Явился. Глас Господень точно гром
Его сотряс; и в Человека, что
Был Сыном Божьим, он вперил, ревнуя,
Смятенный взор... Посем, ревнуя и ярься,
Летит во Ад и, не передохнув,
Князей Геенны кличет на совет
В густые тучи, во кромешный мрак -
Угрюмый сход! И аггелам своим

Во ужасе и скорби молвил он:
"О древние тираны Мира, Твердь
И Воздух покорившие (кольми
Отрадней вспомнить Воздух, а не Ад,
Обитель нашу)! Надо ль исчислять
Столетия, что, на человеческий счет,
Мы, до пределов неких, вольны
И властвовать, и править сей Землей
С тех самых пор, как Ева и Адам
Лишились Рая, мной обольщены.
И с тех же пор с великим страхом ждем,
Что семя Евы насмерть поразит
Мою главу... Господни жернова
Неспешно мелют, им и вечность — миг;
А в этот раз круговорот часов
Излишне быстро обозначил срок
Обещанному древле нам удару.
Пристало ждать; и мыслю: под главой
Сотренной — разумеется предел
Всей нашей власти, воле, бытию
Во царствах и воздушном, и земном.
Лихие вести: Семенем Жены
Встарь нареченный — ныне в свет рожден.
Его рожденье устало нас;
А днесь во цвете лет Он и, явив
Толики ум и благость, совершит
Бессмертные дела — и страшен паче.
Пророк Ему предпослан: возвещать
Пришествие; глашатай кличет всех
К реке, чья освященная струя
Грехи смывает, мол... Во чистоте
Сретать велит пришельца — иль, верней,
Приветствовать Царя. И всяк идет;
И Сам Он прочих между был крещен -
Тем не очиститься, но лишь обрести
Свидетельство Небес, дабы народы
Уверовали твердо. Я узрел
Поклон Предтечи; вышел из воды
Крещаемый — отверзлись в Небесах
Врата хрустальные; и на главу
Пришельцу белый голубь низлетел -
Не знаменье ль? И Божий глас я внял,
Благоволивший Сыну с высей горних.
И се, рожденный смертной от Царя
Небесного — чего же не свершит
Пришелец, коль Родитель всемогущ?
Мы помним Божья Первенца, и как
Он ярыми громами нас низверг;
Кто Сей — разведать должно. Человек
Он зраком обычный — правда, лик
Сияньем Отчей Славы озарен.
Сия угроза движет нас на грань

Крушенья; посеми, не препираясь,
Противустанем ей: употребим
Не силу, но уловку, хитрый ков -
Пока не встал Он во главе племен
Как Царь, и Вождь, и Властелин Земли.
Я древле пересек наедине
Пространства Хаоса, чтоб отыскать
И погубить Адама; но теперь
На сходный подвиг легкою стезей
Пушусь — и где успешен был уже,
Там уповаю повторить успех."
Он смолк. И отзвучавшие слова
Ошеломили дьявольскую рать;
Однако, смятены и сражены
Ужасной вестью, бесы не могли
Надолго погружаться в страх и скорбь:
Единодушно вверил адский сход
Заботу о великом предприятии
Диктатору, чей ков Адама встарь
Низверг, и тем простер широкий путь
Из логова бесовского на свет,
На коем процветали бесы как
Старейшины, князья, цари, божки
Несчетных царств и необъятных стран.
И вспять на Иорданский берег летит
Лукавый — ибо овамо был явлен
Сей Величайший изо всех людей,
Господень Сын. И кознодей алкал
Ввести во искушенья, соблазнить
И погубить Того, Кто в мир сошел,
Дабы владычество Врага пресечь.
Но, умыслам своим же вопреки,
Враг этим исполнял предначертанье
Всевышнего, что в Славе восседал
Меж ангелов, и Гавриилу рек:

"Днесь, Гавриил, воочию узришь
Ты купно с ангелами, что блюдут
Людские дни и судьбы, как начну
Оправдывать торжественную весть,
Которую ты в Галилею нес
Пречистой Деве: еже породит
Того, Кто наречется Сыном Божьим.
И на Ея сомненья: как сие
Возможет с Девой статья, — изъяснил,
Что снидет Дух Святыи, что осенит
Ее Всевышний... И рожденный Сын
Возрос — и ныне, чтобы превознести
Его как Сына Божья, Сатане
Дозволю искушать Его: пускай
Тот изощрится в хитрости, коль скоро
Столь чванится коварством пред ордой

Приспешников. А не пристала спесь
Тому, кто сладить не возмог с Иовом,
Чье стойкое упорство превзошло
В боренье с изобретчивой лютьбой.
А Сей, Кого от семени жены
Я произвел, сильнейший даст отпор
Всем козням и соблазнам, а затем
И всем отступным ратям, да во Ад
Низринутся опять. Он возвернет
Победой то, что первый человек,
Застигнутый врасплох, утратил — но
Пусть приснославно ратует сперва
В пустыне, — а посем Его пошлю
Двух супостатов мира, Грех и Смерть,
Смиреньем и страданьем сокрушить.
Он слабостью осилит вражью мощь;
Мир укротит, смирит людскую плоть,
Дабы и ангел, и эфирный дух -
Теперь, а после — человек земной
Постичь могли, сколь богоизбран Сей
Превеличайший, Мой достойный Сын,
Спаситель всех иных сынов людских."
Предвечный рек. И все на Небесах
Преудивленно замерли — и вдруг,
Хвалу запев, небесный хоровод
Округ Престола повели. Гласы
И лиры таковой творили гимн:
"Со славой, Сын Господень, побеждай,
На битву идучи, чтоб не мечом,
Но мудростью ничтожить вражью кознь!
Отец уверен в Сыне; посему
Спокойно Чадо шлет на первый бой
С любимым соблазном, всяким искушеньем,
Прельщеньем, или страхом, или злом.
Да втуне будут все уловки Тьмы,
Да сгинет ков диавольский вотще!"
Так лик небесный гимны возносил.
А Божий Сын, проведши день-другой
Там, где крещал Предтеча, в Вифаваре,
Премного сердцем пекся, размышлял
Как наилучше многомогущий труд
Спасителя вершить, и чем начать
Божественных деяний череду.
И в некий час наедине, Святым
Ведомый Духом, вышел с тишиной
Советоваться и, вдали дорог -
За мыслью мысль, за шагом шаг ведом, -
В пустыню сопредельную вступил,
Во мрачный дол, объятый стремью скал.
Раздумья так священные текли:
"О сколько мыслей, разом пробудясь,
Во Мне роится — ибо ныне зрю:

Что издавна восчувствовал внутри,
Что часто Мною внемлется извне -
Едва ль совместно с тем, как дни влачу.
Еще дитятей был Я чужд забав
Ребячьих; Я стремил к ученью ум,
К познанию, чтобы мудрость обратить
Во благо ближним; и Себя почел
Рожденным правду утверждать вокруг
И праведность. Во младости прочтя
Завет Господень, понял, сколь он прав,
И услаждался им, и превзошел
Его тольми, что не было Мне лет
И дважды шесть, когда на праздник Пасхи
Проник во Храм, дабы учителей
Закона услышать, и Самому
Глаголать им на пользу и Себе -
И всех преизумил. Но в оны дни
Мой дух и сердце жаждали побед
Геройских. Для начала Я известь
Израиль чаял из-под ига римлян;
Посем пресечь, искоренить везде
Свирепство лютых, и надменных власть;
Добро восставить, истину вернуть;
Но, правды Божьей ради, и людской,
Глаголом чудным чуткие сердца
Сперва завоевал бы: да не страх,
Но совесть правит! Я пытался бы
Учить заблудших, тех, кого ввели
Во грех — и лишь строптивцев подчинял.
И Мать, мыслей сих восчуяв рост
В речах случайных, и возликовав,
Рекла Мне втайне: "Думами высок
Мой Сын! Питай же их, стреми превыспрь,
Насколь святая благодать достигнет
И превосходство: горний образец
Велик! В деяньях приснославных стань
Достоин Присносущего Отца!
Уведай: Ты не смертного дитя,
Хотя инако мнят; Родитель Твой -
Владыка всех Небес, и всей Земли,
Всех ангелов, и всех сынов людских.
Твое Господень вестник Рождество
Предрек от Девы; и к тому предрек,
Тебе величье, и престол Давидов,
И царство нескончаемо; и хор
Небесный на равнинах Вифлеемских,
Где пастыри блюли стада в ночи,
Вещал им, что Мессия днесь рожден,
И звал их поклониться; и пришли
Они ко яслям, в коих Ты лежал,
Зане отверг нас постоялый двор.
Звезда, незрима в небесах дотоль,

С Востока привела к Тебе волхвов,
Принесших злато, смирну и ливан.
Сия новорожденная звезда,
Рекли они, явила свыше знак,
Что новый Царь Израильский рожден.
Тебя сретали в Храме Симеон
Святой и прорицательница Анна,
Им же виденье было; и рекли
Священнику они при алтаре
И люду, в Храм притекшему, все то ж."
В Писания Пророков углубясь
Касательно Мессии, не вполне
Постигнутые книжниками, Я
Уведал: обо Мне рекут. Прочел:
Точию муки смертные прияв
Обещанного царства досягну
И род людской избавлю, чьи грехи
Сполна отяготят Мою главу.
Но сим не уstraшен, и не смятен,
Я срока ждал сужденного. И се,
Креститель (Я не раз о нем слышал,
Воочию не зрев) явился пред
Мессией, путь Ему уготовать.
Я с прочими крещаться шел, посколь
Крещенье свыше мнил; но Иоанн
Тотчас Меня презычно объявил -
Меня (по наущению Небес),
Меня — Мессией! И сперва отрекся
Крещать Господня Сына; и с трудом
Сие упорство Я преборол.
Когда ж восстал Я из священных вод,
Разверзло Небо вечные врата,
И на Меня, как голубь, Дух нисшел;
И се, венец всего, глагол Отца
Раздался внятно, и нарек Своим -
Меня! — Своим любимым Сыном, в Ком
Его благоволение; приспел
Урочный час, Я ведал, чтоб отречь
Себя от безызвестности, начать
Достойно власти, данной Мне с Небес,
Деянья и свершенья. Но теперь
Влекут Меня в пустыню, а почто -
Не ведаю; быть может, и нельзя.
Что должно ведать — Бог откроет в срок."
Так при Своем восходе мысли вслух
Денница наша. Он взирал окрест
На жуткую пустыню, темный дол:
Средь бездорожья, путеводных вех
Не ставив — как вернуться было вспять?
Но бысть ведом. И толь предивных дум
О прошлом и грядущем нес в груди,
Что обществу отборнейших вельмож

Пустыню лучше было предпочесть.
И сорок дней пребыл там. На холмах,
В удолях ли тенистых? Древний дуб,
Иль кедр Его хранили, что ни ночь,
От ниспадавших рос? Иль обитал
В пещере? То не вем, не открыто.
И сорок дней людских не видел яств,
Не чуял глада — но посем взалкал
Меж диких тварей; были те и днем,
И ночью кротки с Ним; Его шагов
И злобный змий бежал, и мерзкий червь;
И зыркали бессильно лев и пард.
Но вот, в убогом вретнице старик,
Заблудшую овцу искавший, иль
Сбирать исшедший хворост про запас,
Про зимний день, когда взлютует ветер,
И от трудов потянет к очагу,
Приблизился; и любопытный взор
Сперва уставив, тако после рек:
"Каким же лихом Ты влеком сюда,
Где — ни путей, ни троп, и токмо рать,
Иль караван пройдет? Ведь ни един
Забредший семо, не вернулся цел -
Но трупом без воды и снеди лег!
Затем я вопрошаю, и дивлюсь
Тем паче, — что не Ты ли Тот, Кого
Пророк новокрещавший столь почтил
При броду Иорданском, рекши: се
Господень Сын? Я зрил, и я внимал,
Зане пустынножители порой
В ближайшую нуждой гонимы весь -
Увы не близкую. До новостей
Мы алчны; тож и к нам грядет молва."
Спаситель рек: "Меня Возведший семо
И вспять вернет — быстрее, чем поводырь."
"Лишь чудом, — старец рек: — Посколь иных
Путей не зрю. Мы семо искони
Кореньями да плевелом живем,
И жажду сносим лучше, чем верблюдо,
Рожденные для горя и невзгод.
Но коль Ты Божий Сын, Отцу вели,
Чтоб эти камни претворил во хлеб:
Себя спасешь, и нам доставишь ядь,
Какой мы не вкушали уж давно."
И рек Спаситель: "Уж толику мнишь
Во хлебе мощь? Писанье ль не велит
(Зане постичь не трудно, кто ты есть)
Не о едином хлебе жить, но каждом
Глаголе Божьем? Семо Бог питал
Израиль древле манной; Моисей
Без пития и снеди сорок дней
Бысть на горе; и столь же Илия

Здесь поствовал. Черед и Мой настал.
Неверие ли хочешь Мне внушить,
Прознав, Кто есмь, как знаю, кто еси?"

И рек разоблаченный Архивраг:
"Ей, я тот самый злополучный Дух,
Что с тьмою присных дерзостный мятеж
Затеял, и с блаженнейших высот
Низвержен купно с ними в бездну был.
Но преисподних врат не столь затвор
Надежен, чтобы я не покидал
Узилища прискорбного, не смел
Скитаться невозбранно по Земле,
И в воздухе витать — и в Небеса
Небес не проникал по временам.
Я был меж Божьих Чад, когда Господь
Иова участь мне препоручил:
Да блещет паче, много претерпев!
Когда же ангелам Господь велел
Надменного Ахава ввесть в обман,
Дабы в Рамафе пал — они смутились,
А я усерден был, и языки
Пророков льстивых ложью умастил
Царю на гибель — ибо всяк урок
Господень выполняю. Хоть я лишен
Природного мне блеска, и лишен
Любови Божьей — все же не лишен
Умения любить — нет, созерцать
С восторгом совершенство красоты
Иль благости: я не лишен ума.
Ужель бы я преминул навестить
Того, Кто был настоль превознесен
Как Божий Сын — и мудрость почерпать
В реченьях и деяньях Божества?
Все люди мнят, я велий супостат
Всеобщий — но с чего б? От них обид
И зла не ведал; и не ими ведь
Лишен чего лишен; скорей, они
Стяжали мне стяжанье: наравне
С людьми землей владычу — иль всецело.
Дарую им то помощь, то совет
Во знаменьях и знаках — а еще
В гаданьях, прорицаниях и снах
Являю ток дальнейший их судеб.
Твердят: ревную, алчу раздобыть
Собратий по злосчастью и скорбям.
Сперва — пожалуй... Но испив скорбей
Сполна, постиг доподлинно: деля
С иными кару, не разделишь боль,
И свой нимало не убавишь гнет;
Каков же прок людей во Ад манить?
Но горько, право: падший человек -

Да, человек! — спасется; я же — нет."
Сурово наш Спаситель возразил:
"Заслуженно скорбишь еси, кто лгал
Исконно, и во лжи найдет конец.
Спесиво мнишь, из Ада в Небеса
Небес ты вхож? О да: как связень-раб
В чертоги, в коих прежде восседал
Вельможно, днесь — влеком и наг, и сир,
Гоним, убог, низложен, отлучен:
Презренное посмешище для всех
Небесных ратей! Во благом чертоге
Вкушаешь не блаженство, не покой,
Но пламень муки, зряще благодать,
От коей отрешен в Аду настоль,
Насколько причастен был ей в Небесах.
Но ты — холоп Небесного Царя!
А послушанье исторгают страх -
И радость причиняемого зла!
Чем, коль не злобой движим, ты презрел
Иова праведного, и казнил
По-всячески его — но вопреки
Терзаньям, он терпеньем превозмог.
Второй урок ты клянчил у Творца,
Дабы солгать четырьмястами уст,
Зане лганье тебе — насущна снедь.
Ты побуждаешь истину вещать
Оракулов, приметы без числа
Плодишь в народах? Ты искусный кухарь,
И сыплешь правды соль во блюдо лжи.
Твои реченья — что же в них, опричь
Двусмыслиц обояких? Вопрошен,
Доходчивый нечасто дашь ответ,
А не постичь — едино что не знать.
Кто, посетивший капище твое,
Был умудрен? Кого ты научал
Беды стеречься, иль спешить к мете,
Кому не ставил гибельных силков?
Народы правосудно предал Бог
Тебе во жертву — правосудно, коль
Идолочтят; но еже хочет Он
Свой Промысл средь народов объявить,
Отколь, невежда, истину берешь? -
Лишь от Него, да ангелов, что круг
Земной блюдут, но твой нечистый храм
Презрели: токмо свыше узнаешь
Все, иже слово в слово повторишь
Поклонникам. Трепещущий тиун,
Услужник жалкий, льстивый мироед,
Ты Божью правду кажешь за свою!
Но скорый этой славе укорот
Сулю: да впредь не станешь прорицать
Язычникам; оракулы уснут,

И стихнет буйство жертвенных торжеств
И в Дельфах, и всеместно; и вотще
К оракулу стекуются: будешь нем.
Живого Прорицателя Господь
Днесь ниспослал, учить и наставлять
Конечной воле Божьей; а в сердцах
Благочестивых утвердится впредь
Дух Истины, вещатель неземной
Всего, что людям ведать надлежит."
Спаситель рек; а хитрый Архивраг,
Снедаем злобой, кротко произнес:
"Суров же Твой настойчивый укор,
И строг упрек! Не злоба, но беда
Меня ко лжи подвигла; где, глаголь,
Отверженца отыщешь, кой бы сплошь
И рядом правдой бы не пренебрег,
Аще корысть премногая во лжи,
Уловках, кознях, лести, ложной клятве?
Ты надо мной восставлен, Ты — Господь;
И от Тебя покорно должен снесть
Хулу и пеню, радуясь тому,
Что уцелел. Путь истины тернист,
Но речь ея весьма ласкает слух,
Равно что птицы иль цевницы песнь.
И диво ли, коль я Твоих словес
Внимаю сладость? Грешники порой
Чтят благость! О дозволи взойти опять
Сюда (посколь никто иной нейдет),
И внять тому, чего не досягну.
Отец Твой, Он же свят, и мудр, и чист,
Не воспретил отступным лицемерам
Вступать во храм Его, вершить обряд
При алтаре, святых Его даров
Касаться, иль молиться; Валаам,
Изгой, Господним гласом наделен,
Вещал. Так не отринь и Ты меня."
Спаситель наш изрек, невозмутим:
"Хожденья семо, хитростный злохот,
Я не дозволю, и не возбраню:
Сколь попускают свыше, столь и дей. И смолк. А Сатана земной поклон
Отвесил — злобу скрыть; и миг исчез,
Растаял: ибо простирала ночь
Крыла свои, удвоивая мрак
Пустыни; воротились птицы в гнезда,
И кровоядный зверь исшел во дебрь.

КНИГА ВТОРАЯ

Меж тем новокрещенны, кто дотоль
С Крестителем на бреге были, зрив
И вняв, как свыше бысть провозглашен
Мессией, Божьим Сыном Иисус,

Уверовав, беседу с Ним держав,
И кров посем деливши с Ним, — сиречь
Андрей и Симеон, а таче люд
В Писании Священном безымян, -
Обетованну радость обрета
Недавно столь, и разом утерав, -
Скорбели во сомненьи много дней,
И всякий день сомненье их росло.
И мнили: токмо явлен Сей, и взят
Ко Господу незапно, яко встарь
Бысть Моисей восхищен на горе;
Как в огненной вознесся колеснице
На Небо Илия, дабы во срок
Сойти: его всеместно пятьдесят
Младых пророков тщились отыскать
Близ Вифавары — и в Иерихон
Пальмообильный шли, и шли в Энон,
В Салим, в Махер — во всяку весь, во град
Геннисаретских вод обапол, и
В Перею — но усердые бысть вотще...
При бреге Иорданском, у ручья,
Где ветер зыблет ивы и рогоз,
Простые рыбаки, а не цари,
Во хижину смиренную стеклись
И об утрате сетовали так:
"— Увы! Надеждой вознесенны ввысь,
В тоску мы вновь повергнуты! Очам,
С праотческих времен обетован,
Предстал Мессия ныне, и вещал
Словами истины и благодати:
"Се, избавленья чайте вборзе; ей,
Опять Израиль царство обретет."
Возликовали мы — а нынче вновь
Печалимся, и вновь изумлены:
Куда поделся? Неужель, представ
Народу, паки превознесся выпрь,
И снова должно чаяния длить
И длить? О Боже, Боже, ниспошли
Мессию — ибо час уже приспел.
Возри: цари земные пригнели
Избранников Твоих; цари горды,
Жестоковейны, и забыли страх
Господень; о восстань же и отмсти
За славу Божью; от ярма избавь!
Но смолкнем: Бог покуда милосерд -
Помазанника выслал нам, и чрез
Пророка известил о том, и Сам
Знаменовал Мессию на миру.
Ликуйте ж! И возложим всю боязнь
На Божий Промысл: нерушим обет -
Не возвернет Господь, не воззовет
Посланца, и в насмешку наш восторг

Не расточит. Господне Чадо — здесь!"
И, в упованье обратив печаль,
Вдругорядь ныне чают обрести
Кого сперва не чаявши нашли.
Но Матерь Божья, видя, еже Сын
Меж прочих не вернулся от крещенья,
И что не медлил Иордана близ,
Но в нетях был, встревожилась зело,
И страхи, что присущи матерям,
В такую речь со вздохом облекла:
"— О для чего же Мне благая честь
От Господа зачать, и весть благая:
«Благословенна Ты меж прочих жен!» -
Когда Я столь же в страхе трепещу,
И столь же изнываю от тревог,
Сколь прочие, Младенца породив
Порой, когда едва сыскался кров,
Дитя предохранивший и Меня
От хлада? Нам приютом стал вертеп,
Дитяти ж — ясли. Но посем бежать
Пришлось в Египет, донде лютый царь
Умрет: искав и не сыскав души
Младенца, лил он током кровь детей
На стогны Вифлеема. В Назарет
Вернулись после; Сын же долго жил
Бездействен, скромн, тих, уединен,
Царям не подозрителен. А днесь
Возрос Он; молвь идет, Его признал
Креститель на миру; и Отчий глас
Возлюбленным назвал Его с Небес...
Премени великих чаю. Чести? — нет,
Напастей! Внятно молвил Симеон:
"Сей многих вознесет иль сокрушит
В Израиле." Я мнила возразить,
И молвил он: "Тебе же острый меч
Пронижет душу!" Вот он, Мой удел
Благой: достигнуть в горестях высот!
Но пусть горюю — все ж удел Мой благ;
Не стану спорить, не примусь роптать.
Но где же Сын? Ужели вновь исчез?
Он не был и двенадцати лет,
Пропав. И Я нашла Его: Бог весть,
Не мог пропасть Он, волю исполняв
Господню; Я гадала: в чем тут суть? -
И поняла... Великую же цель
Преследует Он днесь, настоль таясь!
Но Я навыкла терпеливо ждать;
Я издавна в груди вмещаю клад
Пророчеств, предречений и предвестий."
Так мыслила Мария, так звала
На ум воспоминанья давних пор -
От благовестья Божья, — и покой

Смиранный к Ней вернулся тот же час.
А Сын Ея скитался между тем
В пустыне дикой, преисполнен дум
Священнейших; и устремивши взор
В Свое же сердце, разом различил,
И как начать, и чем окончить Свой
Сужденный в горних подвиг на Земле.
А Сатана, что посулил хитро
Явиться вновь, помчал проворно прочь,
Во средний воздух, сумрачную мглу,
Где совещались адские Князья;
И там без радости, без похвальбы
Изрек он, озабочен и понур:
"— Князья, Престолы! Древние Сыны
Небес — а ныне демоны стихий,
Вам подначальных! Ангелы, не вы ль
Владыки Воздуха, Огня, Воды
И Тверди подлежащей? Чтоб и впредь
Нам сих уютных не утратить мест,
Уведайте: восстал наш ярый враг,
Грозный вспять низвергнуть нас во Ад.
Единогласно был я отряжен,
Его уполномочен отыскать -
Сыскал, и зрил, и соблазнял. Но тут
Сторицей отягчаются труды,
Что в оны дни мне задавал Адам.
Женой прельщен, Адам бесславно пал -
Но был премного мельче, неже Сей,
Кто, Матерью земной рожден, дары
От Неба неземные получил:
Сверхсовершенство, Божью благодать,
И величайших дел достойный ум.
И я вернулся, да не возомнят,
Что, коль в Эдеме с Евой преуспел,
Во мигновенье ока одержу
И здесь победу. Сокликаю всех!
Готовьтесь пособлять: подать совет,
Иль длань подъять — дабы, не знавший встарь
Совместников, я не был ныне бит."
Изрек свои сомненья древний Змий,
И всяк прегромогласно подтвердил
Всемерную готовность пособлять.
И встал препохотливый Велиал -
Плотливостью один лишь Асмодей
Превосходил его, — и молвил так:
"— Являй очам Его, и на любой
Стезе восставь прелестнейшую дочь
Людскую — много сих в любом краю
Солнцеподобных сродственниц богинь;
Изящны, кротки, опытны в любви,
Речами блазня, мягкостью маня,
Уступчивостью — гневных недотрог

Изобразят незапно, чтоб завлечь
В любовный невод пылкие сердца.
Такая усмирит и укротит
Сильнейший дух; строжайшее чело
Разгладит; сластолюбие лия
Во жилы, выпьет силы; покорясь
Безвольно, всяк подвижник, всяк герой
К ней устремится: тако ж и магнит
Крепчайшую притягивает сталь.
Не женами ль мудрейший Соломон
Был обольщен и, жрища возведя,
Супружним тамо идолам служил?"
И тотчас отповедал Сатана:
"— О Велиал, на собственных весах
Не взвесишь всех иных: ты искони
Женонеистов: всяк прелестный лик,
И стан точеный всяк тебе милы;
И всякий, мнишь, не прочь от сих забав.
Сколь пред Потопом вы, о лже-сыны
Господни, поблудили на Земле!
Соитьями со дочерями людей
Вы племя исхитрились произвести.
Не зримо ль разве, иль нейдет молва,
Как во дворце ты рыщешь, и в глуши -
В лесу, иль роще, или близ ручья,
В урочище, в удолье, на лугу,
Стремясь красавицу настичь — Каллисто,
Семелу, Антиопу, Амимону,
Сирингу, Дафну — всех не перечеть, -
На божества слагаючи вину -
На Фавна, иль Сильвана, иль Сатира,
На Феба, Зевса, Посейдона, Пана!
Но сим прельстишь не всех сынов людских:
Сколь многи красоту, и ков ея,
И ухищренья напрочь отмели,
Презрели, цель достойную узрев!
Вспомни: был герой Пеллийский юн,
И пренебрег красой восточных див:
Надменно зрил, и свысока отверг.
И к иберийцу юный Сципион
Жену его прекрасную вернул.
Что Соломон! Среди богатств, и яств,
И почестей, счастлив уделом сим,
Превыше не взалкал он воспарить -
И к женщинам повергся в западню.
А Искушаемый зело мудрей,
Чем Соломон; и думу правит ввысь,
Рожден и призван дивные вершить
Деянья. Где жену ты обретешь -
Пусть гордость века, мира блеск и цвет,
Что привлечет Его досужий взгляд
Хотя на миг? Пусть царственно она

Сойдет к Нему с престола красоты,
Воздев на чресла узорочье чар
Любовных — ведь Венеры пояс встарь
Прельщал Зевеса, басни говорят, -
Единый взгляд из-под Его чела -
Свет высшей Добродетели! — смутит
Ее презреньем, и ея убор
Померкнет; и она поникнет — иль
Уверует, поди? Зане Красой
Лишь вялы восторгаются умы,
Покорны. Отвернись — и меркнет блеск
Забавы праздной, коей пренебречь
Хотя слегка — все то же, что поправить.
Чтоб соблазнять, приличнейший мужам
Найдем предмет — упорство, доблесть, честь,
Геройство, всенародную хвалу:
Превеличайших вергнут с этих скал;
Иль искусим, природнейший позыв
Дав утолить с природою в ладу.
Мне ведомо: взалкал Он во краю
Пустынном, где вполне безвестна снедь;
Я стану блазнить, выиграть стремясь
В единоборстве с Ним хотя бы пядь."
Он смолк, и внял согласия велий гул;
И тотчас отобрал себе отряд
Из духов прелукавейших, вождю
Подобных: чтоб немедля шли на зов -
Коль множество действующих лиц
Понадобится, всяк исполнит роль.
И во пустыню с присными полет
Направил, где скитался Божий Сын,
Постившись сорок дней, из тени в тень -
Взалкавши и Себе глаголя так:
"— Где кончится сие? Уж пять седмиц,
И столь же дней блуждаю средь лесов
И, не вкушав, не гладен был. Сей пост
Себе во добродетель не вменю,
Лишеньем не почту: коль нет нужды,
Иль Бог природу алчущу хранит
Без брашен, то вельми легко стерпеть.
А днесь взалкал; се явственнейший знак:
Природа просит яств; но властен Бог
Питать неощутимо телеса,
Не утоляя глада; что Мне глад,
Коль тело невредимо? Я счастлив,
А жало глада, не чиня вреда,
Забудется: питаю вящу мысль,
И алчу волю Отческу вершить."
Бысть час ночной, когда Господень Сын
Бродил наедине; посем же лег
Неподалеку, под шатром ветвей
Густосплетенных; тамо крепко спал

И видел сны, и глад Ему во снах
Являл питий и брашен без числа.
И мнилось: близ Хорафова ключа
Стоит; а враны в клевах роговых
Приносят ввечеру и поутру
Снедь Илие, хоть сами алчут тож.
Посем же зрил Он, как Пророк бежал
В пустыню, и сыскал себе приклон
Под смерчием и, вставши на заре,
На угольях завидел опреснок,
И ангел рек: восстани, яждь и пей;
И позже ясти сызнова велел,
И напитал на сорок дней вперед.
У Илии Господень Сын гостил,
И с Даниилом разделял бобы.
Ночь истекла; из травного гнезда
Взлетел глашатай жаворонок ввысь
И утру встречу завел приветну песнь;
И встал, пробужен трелью, с ложа трав
Спаситель наш; все было сном, увы:
Не ел вечер — и утром натощах.
Но тотчас Он восшел на скат холма,
Дабы с вершины взор стремить окрест,
Искать лачугу, стадо, либо хлев...
Ни хлевов, ни лачуг, ни овчих стад!
Но рощица там бысть невдалеке,
Где радостно звенела трель пичуг.
И овамо потек, желая жар
Грядущий переждать; и осенен
Зеленым сводом, зрил сплетенья троп,
И разнотравья пестрые полян -
Художное природы полотно
(Природа — живописцам образец),
Где суеверу чудится приют
Дриад и фавнов. И взирал округ,
Когда незапно человек возник -
Не прежний старец, но градской магнат,
В роскошнейшие ризы облачен -
И рек учтиво таковы слова:
"— Покорнейший слуга притек опять,
Весьма дивясь тому, что Божий Сын
Тольми в пустыне пребыванье длит,
Всего и вся лишен, и — ей-же-ей! -
Алкает. Встарь зело почтенный люд,
Рекут писанья, семо бедовал:
Бежавшая раба, и с ней дитя,
Изгнанец Навайоф — их оберег
Небесный попечитель; и все племя
Израильское семо бы легло,
Да Бог просыпал манну; а Пророк
Фесвийский, здесь блуждая, дважды внял
Тому, кто призывал его вкусить.

Но Ты на сорок напрочь дней забыт-
На сорок дней, и таче сверх того."
Рек Иисус: "— И что же? Те нуждой
Терзались; Я в нужде, как видишь, несмь."
"— Почто ж алкаешь? — молвил Сатана: -
Коли предложат снеди сей же час,
Отведаешь?" "— Лишь если будет люб
Даятель," — рек Сын Божий. "— Да почто
Отказываться? — рек лукавый Враг: -
Творенье все, и всяческая тварь
Тебе ли не обязаны служить
Всемерно, без веленья предлагать
Дары и службу? Речи не веду
О яствах иль нечистых, иль сперва
Идоложертвованных — Даниил
Отверг их; таче вражий дар сулить
Не стану, хоть оскудные берут
И сей. Возри: Природа, смущена
Твоим алканьем — смятена, точней, -
От всех стихий отборные плоды
Тебе несет! О снизойди, Властитель,
Ко подношениям, воссядь и яждь."
Он верно рек: едва лишь он умолк,
Спаситель взор возвел, и углядел
Посредь поляны, под шатром древес,
Роскошный, пышный, царственнейший стол -
Обилье блюд, волшебный аромат
И вкус! Дымилась там любая дичь,
Что на пару варилась, на углях
Пеклась; равно и рыба всех морей,
Озер, потоков; также всяк моллюск
Невиданный: опустошились Понт,
Залив Лукринский и Ливийский Сирт.
И во сравненьи сколь казался мал
Эдемский плод, прельстивший древле Еву!
Изысканными винами постав
Благоухал, и чашники округ
Застыли — всяк был юн, и толь пригож,
Коль Ганимед и Гилас; а вдали
То чинно стыл, а то пускался в пляс
Прелестный рой наяд и резвых нимф,
Что изобилья воздымали рог;
И Девы Гесперийские, чей зрак
Был краше древних вымыслов о них,
Да и о феях, коих средь чащоб
Встречал логрийский витязь Ланселот,
А такожде Пеллей и Пелленор;
И за напевом трепетал напев
Звонящих струн, стеньящих флейт; зефир
Благоуханьем аравийских смол
С воскрылий веял, свежестью весны.
И се, явивши роскошь такову,

Вдругорядь Искуситель важно рек:
"— Почто же усумнился Божий Сын?
Зарока несть на сих плодах, закон
Не воспретил касаться чистых мяс;
Вкусив, познать нельзя — тем паче зла, -
Но можно глад, что истребляет жизнь,
Осилить, надлежаше подкрепясь.
Владыки воздуха, чащоб и струй
Тебе всемерно жаждут угодить
И услужить — зане Ты их Господь.
Почто ж колеблешься? Воссядь и яждь."
И сдержанно ответил Иисус:
"— На все творенье давеча не ты ль
Признал Мои права? Что Мне претит
Всевластно применять Свои права?
Приму ли в дар добро, которым где
И как хочу, могу повелевать?
Я мог бы стол восставить, как и ты,
Средь этой дебри вмиг, не усумнись,
И вызвать светлый сонм небесных слуг.
Почто являть услужливую прыть
Вотще, идеже нею небрегут?
Мое алканье — ты ль им удручен?
Сих отрицаюсь брашен, ибо чту
Не ядью эту ядь, но скверным ядом."
Ответствовал с досадой Архибес:
"— Ты зришь, я также властен оделять;
И коль по воле доброй приношу
Тебе дары, что мог вручить иным,
Коль явный глад уместным утолить
Почел — почто же отвергать добро?
Единый путь остался мне, поскольку
В даянии мерещится подвох:
Всю снедь сию проворно поглотят
Ее в трудах добывшие." При сем
И стол, и снедь исчезли — токмо вихрь
От крыльев гарпий рвал с дерев листву,
Да Искуситель дерзостный стоял
И словеса прельстительные длил:
"— Смиряющий всех прочих тварей глад
Тебе не вреден — вот и не согнул;
Опричь того, Ты впрямь непобедим
В умеренности чревной, чужд привад
И, сердце вышним целям посвятив,
Стремишься выспрь — но како досягнешь?
К деяням высшим высших надо средств;
А Ты безвестен, беден, родом худ -
Посколь в семействе плотника возрос,
В лишеньях, во немалой нищете, -
И ныне семо гладом истомлен.
И коим чудом чаешь воспарить
К величию? Отколь возьмутся власть,

Приверженцы, дружина? По пятам
Вождя дотолпе движется толпа,
Доколе мощен вождь ее питать.
Во деньгах честь, и дружество, и рать,
И царство: чем вознесся Антипатр?
Чем Ирод, сын его, Иудин трон
(Твое наследство) отнял, коль не златом?
Деяний славных алчешь? Так добудь
Сокровищ и богатств, собери казну:
Сие не тяжко — токмо внемли мне,
Я властелин сокровищ и богатств;
Обильны те, кому благоволю,
А доблесть, мудрость, благость — во скуде."
И терпеливо молвил Иисус:
"— Богатству не обрести без сих троих
Господства — и вовек не удержать.
Сколь древних царств поверглось, помяни,
С высот несметной роскоши во прах!
А мудры, благи, доблестны мужи
Из праха подымались на престол:
Иевфай, и Гедеон, и тот овчар,
Потомки чьи на троне Иудейском
Державствовали и, утратив скиптр,
Опять его обрящут — и навек.
А меж язычников (зане Я чужд
Незнанью о свершенном на Земле
Всеместно) не почтенны ль имена:
Фабриций, Регул, Курций, Квинтий? Я
Чту сих мужей, что в скудости, в нужде
На велий подвиг шли, вполне презрев
Обильные дары из царских рук.
Чего же Мне, реки, недостает,
Дабы во схожей скудости свершить
Толикие, и вящие дела?
Богатство? — Попеченье для глупцов,
И бремя для премудрых — коль не клеть,
Где никнет мудрость, боле не стремясь
К деяниям, достойным похвалы.
Что, ежели презрел Я наравне
Богатства и венцы? Короны суть
Злаченные терновые венцы,
Даятели опасностей, забот,
Ночей бессонных, всяческих тревог;
Всех подданных ложатся бремена
Царю на рамена — посколь царит,
А честь его, и слава, и хвала -
Тягот раздельных общий вес нести.
Но кто собой владычит, обуздав
Стремленья, страхи, страсти — дважды царь;
И благомудр любой сего достигнет,
А не достигший — станет ли владыкой
Просторных стран и непокорных толп,

Коль государя несть в его душе,
Коль сам он — каждой страсти подлый раб?
Но весть народы истинным путем, -
Спасительным ученьем от греха
К познанию, почитанию Бога влечь -
Се царственный удел! Сим уловить
Возможно благороднейшую часть
Людскую — душу, ибо помыкать
Едиными телами — горький труд,
И государю доброму претит.
К тому же мнят: слагающий с чела
Венец — велик и славен, ибо в пыль
Венец метнуть — почетней, чем приять.
Богатство — прах; но ты речешь, оно
Дарует скиптр? А царствование — плен,
От коего разумнее спастись."

КНИГА ТРЕТЬЯ

Так молвил Божий Сын, и Враг застыл
На время, измышляя, что изречь,
Иль изобрести — и понял: довод слаб,
И вовсе не прельстителен предмет.
Но вскорости воспрял коварством Змий
В потоке примирительных словес:
"— Гляжу, Ты знаешь то, что лепо знать,
Речешь похвально, такожде творишь;
Ты деешь, как глаголешь, Твой глагол -
Глашатай сердца, сердце же Твое -
Благолюбивой мудрости сосуд.
Совета из Твоих искать бы уст
Народам и царям: как Аарон,
Воздевший Урим с Туммимом на грудь,
Вещал бы Ты, и был непогрешим,
Как он; а коль облекся б Ты в доспех
Военный, вняв призывам, и на брань
Отправился, не мог бы целый свет
Ни выдержать, ни выстоять в бою
С немногочисленным Твоим полком.
Почто же богоравный дар таить?
В безвестности, от мира схоронясь
В пустыне дикой, гоже ль мир лишать
Своих деяний дивных, а Себя
Всеместной славы? Токмо этой мздой
И надмеваем деятельный пыл
Чистейших духов, выпренных существ
Эфирных, кои чужды прочих благ,
Богатства и стяжания презрев,
И власть, и силу — Божеской опричь.
Ты — зрелый деньми, слишком зрелый: сын
Филиппа Македонского бысть млад,
Когда престолом Кира завладел,

И Азией; и юным Карфаген
Осилит Сципион; и млад Помпей,
Бив Митридата, заслужил триумф.
Но в зрелости, аще доспеет ум,
Не сякнет жажда славы, но растет.
Великий Цезарь, кем гордится мир,
Чем доле жил, тем боле вождедел
Ко славе, и скорбел, сколь долго жил
Бесславно... Впрочем, Ты не опоздал."
Спаситель же спокойно рек в ответ:
"— Ты побуждал Меня искать богатств
Престола ради, а престола — чтобы
Восславиться — но побуждал вотще.
Что слава, коль не суета молвы,
Не льстивая хвала народных толп?
А что народ, аще не жвачный скот,
Не смерды, что достойному хулы
Возносят гласом велиим хвалу?
Хвалу поют, не ведая, чему,
Не ведая, кому — другим вослед;
И сладко ли от сброда чтимым быть,
Молвою стать, осесть на языке
У черни, чья хула — уже хвала?
Хула — удел приверженцев добра.
А меж разумных, либо мудрецов
Не взвидишь славы — ибо круг их мал.
Но истинно восславишься, коль Бог,
Низрив на Землю, праведнику рад
И весть о нем дарует в Небесах
Всем ангелам, и рукоплещет лик
Небесный; так восславлен бысть Иов
На Небесах и таче на Земле,
Когда — припоминай себе во стыд! -
Всевышний рек: "— Ты Моего раба
Иова зрил?" Дотоле ж был Иов
Безвестен меж людьми, что воздают
Почет глупцам и славу подлецам.
И ложно мыслят, будто воевать
Похвально вдаль и вширь, и выи гнуть
Народам — крыть убитыми поля,
Зорить за градом град. Каков герой! -
Избить, разграбить, сжечь, поработить,
В полон увести иноплеменный люд,
Свободы много более достойный,
Чем одолевший враг, что по себе
Руины токмо всюду оставлял,
Ничтожа труд веков, — и се, надмен
Гордыней, возглашает: аз есмь бог,
Есмь избавитель, благодетель! Храм
Даруйте мне, восставьте мне алтарь!
Отец ему — Юпитер, либо Марс,
Покуда им заслуженная смерть

Не вскроет всяк порок, и всяку мразь,
Придя во сраме, иль от рук убийц.
А коль во славе кроется добро,
Ее куда почтеннее стяжать
Ни зол, ни разоренья не чиня:
В деяньях мирных, праведных трудах,
Во кротости, в умеренности. Вновь
Напомню, как с терпением святым
Твои гоненья перенес Иов
И славен стал в лета, покрыты мглой.
Сократ (а кто прославленной, чем он?),
Учивший правде, смерти обречен
По кривде бысть — и се, теперь живет
Известен паче многих ратоборцев.
Но деять славы ради, для нее
Страдать? От карфагенян Сципион
Италию разграбленную спас -
Прославлен подвиг, а не человек,
Искомой не отмеченный молвой.
И Мне ли славы суетной искать?
Взыскую Мя пославшего Отца
Восславить, возвестить, отколе есмь."
Лукавый же в ответ пробормотал:
"— Не мни пустою славу — сим Ты чужд
Великому Отцу, что ради славы
Творил, и токмо: всяческая тварь
Ему подвластна; скудны в Небесах
Казались гимны ангелов — земной
Он алчет славы, а хорош иль плох
Ее рекущий, мудр, иль не весьма -
Едино. Ведь не приношенья жертв,
Но славы жаждет — славу же рекут
Ему всеместно: эллин, иудей
И варвар — исключений семо несть;
И даже нам, врагам, рещи велит."
И ревностно Спаситель рек в ответ:
"— По праву! Ибо Словом даровал
Всем тварям бытие — не славы ради,
Но токмо благости, чтоб сообщать
Добро и благо всяческой душе
Свободно; и по праву ждет взамен
Хвалы и благодарности, сиречь
Простейшей, вящей, лучшей из наград -
Творца возможно ль отдарить иным?
А кто не благодарен, тот, гляди,
Хулой оплатит, ругань изрыгнет.
Лихая плата, мерзостная мзда
За все добро, за излиянье благ!
И человеку ль жаждать славы, коль
Он славе чужд, а сопричастен лишь
Бесславию, бесчестию, стыду?
Сполна дары Господни обрета,

Солгал, во преслушанье закоснел
И, высших благ лишась, присвоить мнит
Господне право славою сиять.
Но Бог толико благ и милосерд,
Что жаждущих восславить не себя,
Но Господа, Он сам возносит выпрь,
Во славу, во блаженство, в горний свет."
Так молвил Сын Господень, и опять
Смутился Враг, греховную вину
Свою припомнил — ибо встарь, взалкав
Безмерной славы, свергся в бездну бездн.
И все ж сыскал он тут коварный ход:
"— О славе, — рек он, — мы отринем спор;
Искать ли, презирать ли — Сам решай.
Но Ты царить рожден, Тебе сужден
Престол Давида, Твоего отца
По Материнским праотцам, а право
Твое — в деснице мощной: эта ль пясть
Вернет без боя взятое в бою?
Да, вся Обетованная Земля,
Стяжанье римлян, стонет под ярмом
Тиверия; наместники порой
Кошунствуют; порою Храм сквернят,
Порой Закон вседерзостно — верней,
Всемерзостно: кольми был Антиох
Разнуздан! Токмо царства не вернуть,
Аще в пустыню скрыться без борьбы.
Не тако Маккавей: исшел он впрямь
В пустыню — токмо бысть вооружен;
И над владыкой мощным брал он верх
Столь часто, что стяжал своей семье -
Жрецам! — венец, появ престол Давидов, -
А прежь того довлел им град Модин.
Не царствовать спеша — исполнить долг
Святой, поскольку Твой священный пыл
И долг — совместны: случай им даруй.
Но таче случай в них самих сокрыт:
Восставить отчий дом, освободить
Израиль от языческих оков;
Сим наивяще оправдаешь Ты
Пророков, предвещавших Твой приход
И царство бесконечное; воссядь
На трон! — и тем счастливей, чем скорей."
Спаситель же ему ответил так:
"— Все деять наилучше в должный час,
И время всякой вещи, рек Завет.
И если Мне Господь предначертал
Царить всевечно, то когда взойти
На царствие, Господь означит тож,
Понеже весть лета и времена.
И мог определить Он, что сперва
Вкушу от низкой доли, злой судьбы,

От горестей, напастей, от скорбей,
Насмешек, издевательств и насилий,
Страданий и лишений: да узрит
Господь, насколько Я неколебим
И терпелив; возмогший пострадать -
Возможет деять; наилучший царь -
Былой слуга усердный; справедлив
Искус великий, иже предпослал
Всевышний воцаренью Моему.
Но ты Меня стремишься водворить
На царство нескончаемое, хоть
В Моем восстанье — пагуба твоя,
В Моем величье — твой конечный крах?"
Рек Искуситель, внутренне смятен:
"— О, будь что будет! Если несть надежд
На Небеса вернуться — что ж терять?
Где нет надежды — исчезает страх.
И чаянье горчайших мук больней,
Чем ощущение сих горчайших мук.
Последних мук я чаю: се приют,
Се гавань, се желанный мне покой,
Се благо, се конечная мета.
Моя вина — моя вина; мой грех -
Мой грех; они в себе осуждены:
Взойдешь на царство, или не взойдешь -
Казнят их; но к Тебе ль не воззову,
О Миротворец, коль обрящешь власть?
Сей кроткий взор и милосердый лик
Неумолимых молний не метнут
И, остудить пытаясь Отчий гнев
(А гнев Отца палит, что адский огонь),
Желанен будешь, как в июльский жар
Желанна тень бегущих облаков.
И, коль спешу к немыслимому злу,
Почто же медлишь во преддверьи благ
Неслыханных? Ведь лучшего царя
Не сыщется, чтоб осчастливить мир!
Иль временишь, в раздумья погружен -
Мета опасна, хоть и высока?
Не диво: человеческих пускай
Ты превзошел вершины совершенств,
Присущих иль дарованных, однако
Безвестно жил, домашний кров почти
Не покидая; Галилея — глушь,
А раз в году во Иерусалим
Ходить — не много сможешь наблюсти.
Ты мир не зрил во славе и красе
Империй, государей, их дворов -
Се опыта родник, лишь там постичь
Возможно к вящим подвигам пути.
Мудрейший, но безопытный всегда
Застенчив, робок — ибо новичок

(Обретший царство шел обрести ослят)
Младенчески неловок, боязлив.
Но я Тебя туда перенесу,
Где Ты воспрянешь, и насытишь зрак
Величием и пышностью держав:
Тебе, о Велемудрый, бросить взгляд
Единственный на царских суть наук
И тайн довлеет, чтобы с ними впредь
Елико можно лучше совладать."
При сем (по Божью произволу) взнес
Он Сына Божья на высокий кряж,
У чьей подошвы злачной вдаль и вширь
Окружностью пространною легла
Равнина; два потока из горы
Текли: один извилист бысть — и прям
Другой; они стремили розно бег,
Но морю сообща платили дань;
Меж ними же простерся щедрый край,
Где всякий злак возрос, и тяжкий грозд,
И где паслись несметные стада,
Где башни, храмы и дворцы столиц
Стремились к небесам; и бысть настоль
Обширен край, что там и сям пески
Безводные, бесплодные вмещал.
Дьявол же держал такую речь:
"— Промчали славно: через холм и дол,
Чащобу, луг, поток, дворец и храм,
И сократили путь на много лиг.
Ассирию Ты зришь: ея пределы -
Аракс и Каспий, на востоке ж — Инд;
На западе — Евфрат, но рубежи
Ползут и дале. А на юг — залив
Лежит Персидский, тамо ж и пустынь
Заслон; вот Ниневия, и вокруг стен
Ея — три дня пути; владыка Нин
Столицу зиждил, а Салманассар
Царил там после — о его успехе
Скорбит Израиль и поднесь в плену;
А се разноязыкий Вавилон -
Он столь же стар, но вновь отстроен тем,
Кто, дважды внидя в Иерусалим,
Угнал Иуду и Давидов дом
В полон, пока не спас несчастных Кир -
Его Персеполь здесь, а Бактра — там;
Вон высятся забрала Экбатаны,
Вон Гекатомпил, гордый сотней врат;
Вон Сузы при Хоаспе, чья струя
Питье царей дарует, амбру. Вон
Труды эмафских иль парфянских рук,
Низибис пышный, он же Селевкия;
Вон Артаксата, вон и Ктезифон;
Легко отселе их объемлет взор.

Парфяне (коих несколько веков
Назад великий семо вел Арсак,
Их первый царь), изгнавшие владык
Антиохийских, ныне правят здесь.
Ты вовремя явился: взгляд метнешь
На мощь сию, зане парфянский царь
От Ктезифона шлет огромну рать
На скифов, чьи набеги — сущий бич
Для Согдианы; царь спешит помочь,
И выступил. Воззри ж издалика
На тысячи, грядущи в блеске лат:
У всякого колчан и лук стальной,
Равноужасный в битве и при бегстве -
Все конники, все грозны во седле;
Гляди, кольми воинствен этот строй:
Прямоугольник, полумесяц, клин."
И зрил Спаситель рати без числа,
Истекшие из врат, и шли войска
В кольчугах, на проворных скакунах -
В кольчугах тожде, не стеснявших прыти;
И гордо гарцевали седоки,
Краса и блеск премногих областей,
Соцветье всеотборнейших бойцов
От Маргианы — до Гирканских скал
Кавказа, и до иберийских круч;
От Атропатии, которой близ
Адиабена с Мидией, а к югу -
До Сузианы, где Вальсарский порт.
Спаситель зрил порядок боевой,
И како вспять метал он ливни стрел,
И наземь настигавший супостат
Летел, в погоне битву проиграв,
И блеск доспехов помрачала кровь.
У конников за каждою лукой
Для схватки рукопашной латник бысть;
Катились колесницы, и слоны
Стрелков несли, взрывая пыль; обоз
От заступов ломился и секир -
Дабы валить леса, холмы ровнять,
Иль насыпать, иль ставить крепкий мост
Над гордым током, будто класть ярем.
Шагали мул, верблюды и дромадер,
Влачившие орудия войны.
Мощь такову, и столь обширный стан
И Агрикан едва ль совокупил,
Когда Альбракку взялся осаждать -
Во ней же похититель Галлафрон
Скрыл Анжелику, Агрикана дочь,
Что прочих дев затмила лепотой,
И всякий витязь ею бысть пленен,
Язычник и великий паладин, -
Такой же стан раскинулся вдали.

И Враг, воспрыв, Спасителю изрек:
"— Уведай: семо блазнить не хочу
Тебя, ниже на маковке горы
Спасаю от невзгод. Услышь, заметь,
Почто сюда вознес Тебя, и столь
Обширный вид явил. Пускай Тебе
Пророк иль ангел царство предвещал -
Не деючи, как деял встарь Давид,
Не обретешь вовек его: рычаг
Потребен, чтоб пророчество сбылось;
Без рычага ж оно — пустейший звук.
Положим, на Давидов Ты престол
Взошел с согласия всех самаритян,
Всех иудеев — много ли надежд
Спокойно, долго править без препон
Меж двух врагов — как между двух огней, -
Парфян и римлян? Одного из них
След обезвредить — и начать с парфян
Советую: до сих недалеко,
И стоил сокрушительный набег
Недавешний свободы двум царям,
Гиркану с Антигоном — несмотря
На римский меч. Готов поревновать
Их усмиренья, токмо выбирай:
Завоеванье, или же союз?
Ты с ними обретешь, без них же — нет,
Рычаг единый, что Тебе, Наследник
Давидов, навсегда престол вернет:
Освобожденье братий, десяти
Колен, потомки коих и поднесь
В Габоре, средь мидийцев, суть рабы;
Иакова там десять сыновей,
Иосифовых — двое; яко встарь
Израиль из Египта Моисей
Извел, возможешь вызволить и Ты
Из рабства сих — наследие вернешь
Измученным собратьям, и тогда -
И лишь тогда, — воссядешь на престол
И от Египта до Евфратских вод
Царить возможешь, презирая Рим."
Спаситель же бесстрастно рек в ответ:
"— О, сколько всуе помавало рук
Непрочными орудьями войны:
Столь долго мастерить — и преломлять
Мгновенно! Ты явил Моим очам
И слуху много разностей; твердил
О битвах, ковах, о врагах-друзьях.
Сие угодно миру, но не Мне.
Рычаг искать, глаголешь? А не то
В пророчестве обрящется порок?
Глаголю паки: час Мой (сей же час
Твоим последним будет) не настал.

Когда ж настанет — Я ли не потщусь
Деяния вершить? И не прошу
Лукавого совета; бремена
Отрину боевые — и не сил,
Но слабостей людских они залог.
Моих собратий, десять сих колен,
Я вызволю, коль истинно хочу
Наследовать Давиду, скиптр его
Вознесть над главами израильтян.
Усердствуешь? Усердно ж ты соблюл
Израиль, и Давида, и престол,
Когда цареву гордость подушал
Народ исчезь — а в наказание мор
Седмижды десять тысяч человек
Сгубил во три лишь дня! Кольми помог
Израилю, тольми поможешь Мне.
Плененные ж колена этот плен
Снискали сами, начисто отпав
От Бога: поклоняючись тельцам,
Богам Египта, и посем Ваалу,
Астарте — обретется ль истукан,
Пред коим сей не пресмыкался сброд?
И се, в поработившей их стране
Смирясь ничтоже, Богу не взмолясь
Праотческому, стали умирать
Без покаянья, и зачали род
Себе подобных, коих отличить
По обрезанью суетному лишь
От идольщиков можно бысть, и Бог
Был ими чтим с кумиром наравне.
И к древнему наследию отцов
Жестоковыйны, мерзостью горды
Вернулись бы не каясь, и кумир -
Вефильский? Данский? — с ними бы пришел.
Нет, пусть живут во скопище врагов,
Коль в капищах болваны им друзья.
Но в некий день, о коем Бог лишь весть,
Во имя Авраама воззовет
Господь и к ним, и двинет их домой -
Раскаявшихся, чистых — и поток
Разделится пред ними ассирийский,
Как Море Чермное и Иордан,
Когда к Обетованной шли Земле
Отцы их из Египта. Поручу
Их Провиденью Божью." — Тако Враг
Бесславно проиграл и этот спор.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

И, новый проклиная неуспех,
Не ведал Искуситель, что изречь:
Обман открылся; дьявольских надежд

Поубыло — и такожде словес
Улестных, Еву соблазвивших — но
Бессильных семо: Ева — Евой бысть,
Но Сей — наисильнейшим. Враг в обман
Себя же ввел, не взвесив прежде сил
Своих и супротивных яко след.
Но — аки тот, кто, бывши в плутовстве
Непревзойден, незапно емлет срам
От мудреца, и злобы ради длит
Бесцельный ков, хоть велий дан отпор,
И, умножая козни, множит стыд;
Как мухи на мезгу и сладкий сок
Слетаются опять в давящий чан,
Хотя их гонит всяко винодел;
Иль как валы, что об утес биясь
Во дребезги, к нему стремятся вновь,
Чтоб разлететься новым ливнем брызг, -
Так Сатана, прияв толико раз
Отпор, почел разумным помолчать,
Однако не смирился, порешив
Стоять, насколько возможет, на своем.
На западный увлек он вскоре склон
Спасителя, давая обозреть
Страну иную, что не вширь, но вдлинь
Легла; на юге зыбились валы,
На севере ж восстали цепи гор,
Хранившие людей и всякий плод
От холодов; и надвое река
Страну делила: на ея берегах
Раскинулся державный, гордый град,
И на семи холмах вознес дворцы
И храмы; зрелось множество колонн,
Театров, статуй, акведуков, бань,
Трофеев, арок триумфальных, рощ,
Полей и вилл: все виделось очам
Поверх междулежащей цепи гор:
Какой непостижимый параллакс,
Оптический обман, иль телескоп
Сие творил — недурно было б знать.
И Архивраг безмолвие прервал:
"— Ты пред собою зришь великий Рим,
Самодержавно правящий Землей,
Доселе мощный множеством побед,
Обилием добычи; Капитолий
Взнес неприступно гордую главу
Над прочими дворцами, на Скале
Тарпейской стоя; дале — Палатин,
Где кесарский взирает свысока
Дворец — преблагогородных зодчих труд;
Он славен позолотою зубцов,
Обильем шпилей, башен и террас.
А рядом с ним — не храмы, но дома

Патрициев; и тако учинен
Воздушный микроскоп, что разглядишь
Внутри жилищ — златых работу рук:
Столбы и своды, тоеже резьбу
По мрамору, и кедру, и кости.
Теперь же на градские глянь врата:
Толпа течет извне, грядет изнутри;
Проконсулы и преторы спешат
В провинции; вослед с пучками розг -
Се знаки власти — ликторы идут;
Колонны легионов и когорт,
И шествия торжественных посольств
По Аппиевой движутся дороге,
Эмилиевой такожде; одним
Отчизна юг — Сиэна, в коей тень
Ложится обояко, иль Мероэ,
Иль край, где правит Бокх, великий Мавр,
Иль Парфия (заметь!), иль край чудес
Индийский, иль роскошный Херсонес,
Иль Тапробана — остров сей далек;
Над каждым ликом — шелковый тюрбан.
Шлют Галлия послов и Альбион,
Германец шлет, и скиф, и тож сармат -
От волн дунайских до понтийских волн
Языцы все приносят Риму дань;
И римскую невиданную власть,
И римскую немислимую мощь,
Искусства блеск, а такожде меча -
Ты, поразмыслив, можешь предпочесть
Парфянам. Кроме этих двух держав
Мир обитает варварами сплошь,
И семо их царькам не досягнуть.
Ты видел две державы — рекше, все,
Колико славных сыщешь вообще.
Бездетен кесарь, а к тому же стар,
Сластолюбив, и Риму предпочел
Капрею, неприступный островок
Близ берегов Кампаньи — там свои
Чудовищные страсти утолять
Он принялся, подручному велев
О Риме печься — да подручный лют,
И ненавидит кесаря народ.
По-царски одаренный, Ты б легко,
Явившись в Риме, начал череду
Деяний славных, и очистил вмиг
Престол, округ которого — вертеп,
И сбросил с Рима мерзостный ярем!
Коль помогу — сумеешь, ибо власть
Я получил — и передам Тебе.
Стремись же миром целым завладеть,
Стремись превыспрь: инако, вопреки
Пророкам, не воссядешь вовсе — иль

Надолго не воссядешь на престол."
И Сын Господень рек, невозмутим:
"— Великолепье, иже напоказ
Блистало семо, яко прежде сталь
Мечей и копий, взора не манит,
Ума — тем паче; ты бы помянул
Обжорство римлян: им идут во снедь
И язычки несметных соловьев
(Я тож слыхал об этом, иль прочел);
Фалернское и критское вино,
Сетийское с хиосским пьют из чаш
Хрустальных, и золотых, и в жемчуга
Оправленных — сие живописуй:
Ведь Я не ел и не пил... О послах
Из дальних стран и ближних: что за честь -
Во скуке вящей пристально внимать
Потокам лести суетной и лжи,
Хвалам никчемным? Таче ты твердишь
О кесаре: со славою смести
Легко сие чудовище! А если
Я беса для почину изгоню,
Что зверем человека обратил?
Пусть Совесть будет кесарю судьей;
Я ни карать пока, ни вызволять
Не послан сей народ; и поделом
Страдает, победив и развратясь:
Он бысть умерен, честен, кроток, прям,
И воевать умел, но под ярем
Согнув народы, грабить стал дотла,
Без удержу; и сделался кичлив,
Триумфами упившись; и жесток,
Пресытясь тем, как на арене бьет
Ключом людская кровь, и кровь зверей.
От роскоши слабея день за днем,
Вседневно алчет Рим все новых благ.
Какой же мудрый и отважный муж
Такою сволочь стал бы избавлять
От уз, любезных ей? Кто раб нутром,
Того невместно вызволять извне.
Мое же царство будет словно древо,
Что целый мир ветвями осенит,
Иль словно камень, бьющий в мелкий прах
Иные царства, сколь их в мире есть;
А Моему — скончанья не бывать.
К тому найдутся средства; да о них
Тебе негоже знать, а Мне глаголать."
Бесстыдный Искуситель отвечал:
"— Гляжу, мои услуги не в цене;
Дают охотно — отвергать легко.
Разборчивым да строгим все не впрок -
Все, кроме наслажденья возразить.
Так ведай же, что я ценю весьма

Свои владенья; такожде услуг
Задаром никому не предложу.
Все, иже Ты в единый миг узрел,
Земные царства все — Тебе отдам;
Что мне вручили, я вручу Тебе:
Изрядный дар! — но с тем, и только с тем,
Что предо мною Ты прострешься ниц,
И молвишь «се Мой высший властелин»;
Сие легко. За толь великий дар
Ужели много требую взамен?"
Спаситель же с презрением изрек:
"— Пустую речь и дерзостный посул
Ты гнусными содеял, предложив
Условье нечестивое приятъ.
Но Я терплю, доколе произвол
Господень длится. Заповедь гласит
Наипервейшая: "Лишь Бога чти
Как Бога, и лишь Господу служи."
И Божью Сыну ты речешь «склонись»?
Перед тобой, кто проклят был, а днесь
Подавно проклят? Сей предерзкий ков
Кощунственной вторжения в Эдем!
Тебе вручили власть земную? Нет,
Швырнули, как подачку злому псу;
И предъявлять иных не можешь прав.
Но и вручал бы токмо Царь царей,
Господь Всевышний! И, аще вручил,
То славно же Даятеля теперь
Благодаришь! Но благодарность, стыд
И страх тобой утрачены давно -
И до того, что Сыну Божью, Мне,
Мое же дашь безмездно, коль паду
Во прах перед тобой? Но ты не Бог,
Ты — проклятый Всевышним Корень Зла,
Ты — Архибес. Отыди, Сатана!"
И Враг во страхе вящем отвечал:
"— Не оскорбляйся так, о Божий Сын:
Все ангелы, и тожде люди суть
Сыны Господни; выведать стремлюсь,
Превыше ль Ты иных? Я от людей
И ангелов стяжанье приобрел -
Четверовластников Огня, Воды,
И Воздуха с Землей, и четырех
Ветров, от коих всякий чтит язык
Властителя Земли и Преисподней;
Уведать алчу, Кто Ты, коль грозит
Мне гибелью пришествие Твое.
Соблазны принесли Тебе не вред,
Но честь — и, признаюсь, я посрамлен.
Засим не стану боле бранных царств
Земных Тебе навязывать — возьмешь
Их Сам, коль вообще восхощешь брать.

Но мнится мне, Ты по природе чужд
Земных венцов, Тебе милей куда
Раздумье, созерцанье, мудрый спор:
Еще дитятей с материнских глаз
Ты скрылся, и пустился напрямиком -
Наедине! — во Храм, и найден бысть
Во кресле Моисеевом, среди
Испытанных наставников: учил,
А не внимал! В дитяти зрится муж,
Как утром зрится, коим будет день.
Восславься мудростью! На целый мир
Простерши царство, разум простирай,
Доколе целый мир им обоймешь.
Не Моисеев положил Закон
Познанию предел, и не Пророки;
Сколь дивно ведать, мыслить, научать
Язычникам дает Природы свет!
И спорить с ними примешься не раз,
Коль убежденьем жаждешь одолеть;
Без их учений с ними у Тебя,
С Тобой у них — велик ли разговор?
Как убедишь их, опровергнешь как
Их суеверья, сказки, парадоксы?
Но пред зеркалом предрассудку — смерть.
Взгляни, пока мы не сошли с горы,
На запад — но поближе: на берегу
Эгейском виден град; в нем воздух чист,
Прекрасны зданья, почва же легка.
Афины! Око Греции, искусств
И красноречья мать! Сколь умов
Там родилось, не то нашло приют
В самих Афинах, иль невдалеке!
Вон роща Академа, где Платон
Преподавал науки; там пичуг
Аттических все лето льется трель;
А вон Гиметт цветистый; гулом пчел
Трудолюбивых часто он манит
Ученого к раздумью; вон Илосс
Журчащий ток стремит. А во стенах
Градских немало есть почтенных школ:
Вот в этой бысть воспитан Александр,
Завоеватель мира; вон Ликей,
Соседствующий с живописной Стоей.
Постигнешь там всевластье звонких струн,
Разнообразье стихотворных стоп,
Теченье песен, гимнов, од, поэм -
Их складно сочинял и славно пел
Слепой Мелезиген, сиречь Гомер,
Чьи строки объявлял своими Феб.
Посем у строгих трагиков учись:
Наставят наилучше ямб и хор
Во нравственности мудрой; сладок звук

Речений кратких, назиданий тож
Касаемо стремлений и страстей
Высоких, и страданий, и судьбы.
Посем прочти прославленных витий,
Чье красноречье древле произвол
Народной власти усмирять могло,
И сотрясало Артаксерксов трон,
Над греческими стогнами гремя.
Посем же к философии склони
Прилежный слух, зане Сократов кров -
Лачуга та вон — свыше осиян;
Оракул звал Сократа, и не зря,
Мудрейшим из людей; текли что мед
Сократа речи, школы напитав
Издrevле и поднесь: и Эпикур
Им внял, и Аристотель, и Зенон.
О сем размысли семо, иль домой
Вернувшись; окончательно созрей,
Чтоб царствованья вынести бремена;
Учась, возможешь властвовать вполне
В Себе, а царствуя — умножишь власть."
Спаситель же премудро молвил так:
"— Ты мыслил, Я всеведущ — ныне мнишь,
Несведущ вовсе. То, что должно знать,
Я ведаю. Кому даруют свет
Всевышний, изначальный — тем наук
Иных не надо, истинных пускай;
А в этих — ложь; иль заблужденья, сны,
Догадки, построенья на песке.
Первейший и мудрейший семо рек:
«Я знаю, что не знаю ничего»;
Самодовольны басни плел второй;
А третий все сомненью подвергал;
Иные чтили благость, но при ней -
Обилие и длительную жизнь,
Телесные улады и досуг.
А вот и Стоик: сей философ горд,
И мнит, что добродетелен — и столь
Умен и совершенен, что себя
Он числит ровней Богу — иль превыше;
И, не страшась ни Бога, ни людей,
Презрел он все: богатство, радость, боль,
Страданье, смерть и жизнь — ее прервать
Он волен, дескать, сам! И похвальбой
От истины стремится он спастись.
Научат ли? Скорей, собьют с пути,
Себя не зная, Бога же — подавно;
Не ведая, как зачинался мир,
Как человек, запрет поправши, пал,
Как смертному потребна благодать.
И много, но превратно о душе
Толкуют; славен, мыслят, человек,

А не создавший человека Бог,
Которому даются имена
Судьбы и Рока, что к мирским делам
Жестоки, дескать. Истины здесь несть,
И жаждущий обманется ея
Подобьем ложным, облаком пустым
Жестоко. Да и чтение многих книг
Не здраво, учат мудрые; читать
Без перерыва и не привносить
В прочитанное разум либо дух
Толикий же, иль высший (токмо инде
Сего не ищут) — значит пребывать
В начитанном невежестве, набрав
Не перлов, но ракушек, как дитя
Сбирает их на берегу морском.
А коль свободный услажу Я час
Напевом иль поэзией, то где,
Коль не в родном наречии, сыщу
Их образцы? В Писаньи гимны есть,
И музыкою полнятся псалмы.
Плененной песней иудейских арф
Пленялся победивший Вавилон,
А греки ей потщились подражать,
Но скверно: им всего любезней петь
Грехи своих божеств, и свой порок,
И в баснях, гимнах, песнях представлять
Богов — глупцами, а себя — зверьем.
Эпитеты раздутые сотри,
Подобные румянам на щеках
Блудниц — и мало сыщешь в остальном
Красы и пользы; ценит верный вкус
Превыше гимны, что сложил Сион;
Там верно славят Бога, и людей
Богopodobных, праведных, святых;
От Бога — песнь, побаска ж — от тебя;
Но и сия от Бога, коль в певце
Природный свет не до конца угас.
Витий ты восхвалял как образец
Красноречивости: они порой
Своей стране привержены и впрямь -
Но много мельче Вестников, что Бог
Наставил; и Пророки научать
Умеют управлению страной
Возвышенной и проще речь держа,
Чем все витии Греции и Рима.
Чем проще речь — тем легче разуметь,
Как счастье народу принести,
Как царство от гибели сберечь -
Лишь изучив Писанье, царь велик."
Так молвил Божий Сын, а Сатана
Смешался, ибо стрел иссяк запас;
И злобно рек Спасителю в ответ:

"— Не алчешь царств, богатств, ниже искусств,
Ниже военной чести: ничего,
Что я сулил; не хочешь созерцать
Иль деять ради славы — но тогда
Почто явился в мир? Пустынна глушь
Тебе вполне пристойна. Ворочу
Тебя откуда взял. Но помяни
Слова сии: придется пожалеть
О том, что помощь добрую мою
Отверг, явив толикий приверед;
А ведь поял бы просто и легко
Престол Давидов, или мировой;
Ты вырос, вызрел — нынче ль не пора
Вершиться предсказаньям о Тебе?
Теперь же, коль читаю в Небесах,
Иль пишут Небеса теченьем звезд,
Их сочетаньем, о путях судеб,
Немедля предреку Тебе труды,
Печали, поношения, борьбу,
Обиды, муки, тягостную смерть;
Тебе пророчат царство — не пойму,
Вещественное ль, нет ли; таче срок
Неясен; без начала, без конца -
Навеки воцаришься: не могу
Прочесть руководящего числа
Средь этой вещи россыпи светил."
Засим он взял (понеже знал, что власть
Его еще не вышла), и в пустыню
Снес Божья Сына, и покинул там,
Исчезнув якобы. Закат померк,
Сгущалась тьма и ниспускалась ночь:
Суть обе невещественны оне,
Суть лишь небытность света или дня.
Спаситель, кроток, не смущен ничуть
Воздушным странствием, хоть утомлен,
И холоден, и гладен, подыскал
Себе приклон близ мощного ствола,
Дабы под сенью сплетшихся ветвей
Укрыть главу от ниспадавших рос.
Но укрывался втуне: у главы
Встал Искуситель, навевая сны
Ужасные. Из тропиков гроза
Явилась, раздирая тяжких туч
Громады ярим громом; ливень сек,
И молнии свергались, и огонь
Стегал пустыню хлеще ливня; ветры
Из каменных берлог на четырех
Концах земли рванулись, чтоб крушить
Смятенную пустыню, чьи дубы
Крепчайшие, и сосны, корнем вглубь
Что ростом ввысь ушедшие, трещали
И рушились. Чем был Ты защищен,

О храбрый Божий Сын? А Ты стоял
Не дрогнув. Страхи множились во мгле:
Метались духи адские округ
Тебя; вздымали гогот, вопли, вой,
Метали стрелы серные — а Ты
Покой хранил, и был невозмутим.
Так длилась ночь, доколе Утро мрак
Рассеяло, надевши серый плащ
Паломника; и лучезарный перст
Утишил громы, тучи расточил,
И ветры укротил, и адский сонм
Чудовищ, коих Архивраг наслал.
И солнца многомошные лучи
Лице земли согрели, осушив
Листы дерев и стебли трав; и птицам
Предстал их дол свежей и зеленой,
Когда ночной улегся ураган;
И хор пернатый средь ветвей и трав
Завел сладчайший щебет утру встречу.
И в бурном этом, светлом торжестве
Явился, кознодейством утомлен,
Владыка Тьмы; казалось, он и сам
Рад перемене; ковы истощив,
Он близился к Спасителю, дабы
В последней злобной выходке излить
Всю желчь, и весь его сжигавший гнев,
И горечь всех минувших неудач.
Спаситель шел по светлому холму,
Близ коего густой простерся лес;
В обличии привычном вышел Враг
Из чащи, беззаботно произнес:
"— Прекрасно утро нынче, Божий Сын,
А что была за ночь! Я слышал треск
Земли и неба — но издадека;
Пугают смертных эти пустяки,
Но страшны столпостенным Небесам,
Да и Земле, что Небу подлежит -
Его подножью темному, — не столь,
Сколь телу человека страшен чих -
Но склонны столь же быстро миновать.
Они опасны, коль низвергнут мощь
На человека, зверя, древо, злак;
Ненастья суть подобия невзгод
И, над людской главою разразясь,
Бывают часто знаменьем беды.
Крушила буря сей пустынный дол,
Во нем же из людей лишь Ты живешь.
Не рек ли я, что если Ты отверг
Мои услуги, хоть пора уже
Престол завоевать, и если ждешь
Судьбы случайной — на престол взойти
Давидов сможешь, но когда — не вем:

Когда, и как — не сказано нигде.
Ты будешь Тем, Кем должен быть: сие
Вещали ангелы, да утаили
И срок, и средства. След вершить дела
Не в должный час, а в выгоднейший миг.
Презревши сей совет, наверняка
Немало должен будешь испытать
Опасностей, превратностей и мук,
Донде Израильский обрящешь скиптр;
И буря, лютовавшая окрест,
И адских чудищ полунощный рык
Тебе о том вещали наперед."
Он злобствовал, а Божий Сын ступал
И, шага не замедлив, молвил так:
"— Я вымок лишь; иного же вреда
Мне ужасы в ночи не принесли.
Я ж не страшился; велий, правда, шум
Бесчинствуя вздымали, токмо знак
Иль знаменье сие Я презираю
Как ложные — не Божьи, но твои;
На царство Я препонам вопреки
Взойду — и тщишься манием руки
Содеять вид, что Мне даруешь власть,
Тщеславный Дух, как будто сам ты — Бог,
И злобствуешь, пытаясь подчинить
Меня вотще; оставь, ты обличен
Всецело, и всецело тщетен труд."
И, яростью надмившись, Враг изрек:
"— Так внемли, внук Давидов, Девий Сын,
А Божий ли — я вборзе погляжу:
Слышал я о Мессии ото всех
Пророков; вести Гавриила внял
Меж первых; помню ангельскую песнь
Близ Вифлеема, где небесный хор
Спасителя восславил Рождество.
С тех пор я ока не спускал почти
С Тебя: младенца, отрока, юнца
И после — мужа; был Ты скромн, тих;
Но к Иоанну с прочими придя
На Иордан, обаче не крестясь,
Я слышал, как Возлюбленным Господь
Тебя прилюдно Сыном звал с Небес.
Оттоле я стремил к Тебе не взор,
Но разум весь, дабы уведать смысл
И степень, в коих свыше был Ты зван
Господним Сыном, ибо смысл двояк;
Я тожде Сын Господень есмь, иль был -
А еже был, то есмь: закон родства!
Все люди — Божьи дети, но Тебя
Взыскали много выше остальных.
Подстерегать я стал Твои шаги,
Тебе вослед пришел в пустыню глушь

И семо, поразмыслив, заключил,
Что Ты и есть мой смертоносный враг.
И дивно ль, коль заране я стремлюсь
Противника постичь: каков он, кто;
Насколь он мудр, могуч, неуязвим?
Беседа, сделка, уговор, союз -
Глядишь, уловки принесли б улов...
Я семо испытал Тебя, на зуб
Испробовал, и ныне признаю,
Что блазнил алмазный утес,
Не то Земли гранитное ядро;
Но Ты — лишь величайший из людей,
Не боле: честь, богатства, царства, славу
Встарь отвергать могли, и смогут впредь;
А выше ль Ты, чем праведник простой,
Господним Сыном названный с Небес,
Узнаю, способ некий применив."
Он Божья Сына, словно иппогриф
Бескрылый, поднял в воздух и понес
Премного выше дебрей и долин,
Доколе дивный Иерусалим,
Священный Град, завиделся внизу;
Вознесся Храм превыше прочих веж
Великой алавастровой горой,
Которую венчал златеный шпиль;
И на вершине Храма утвердив
Господня Сына, дьявол прошипел:
"— Стой, коль сумеешь! Пребыванье здесь
Потребует сноровки. Отчий дом
Вознес Тебя превыше всех и вся.
Стоять неловко? Но Господень Сын
Бесстрашно спрыгнул бы! Речет Псалтирь:
"И ангелам Всевышний заповесть
Хранить тебя повсюду; на руках
Тебя возьмут, да не когда преткнешь
О камень по случайности стопу."
Рек Иисус: "Негоже искушать
Всевышнего." Изрек — и устоял.
А Сатана повергся, поражен:
Как сын Земли Антей (аще сравним
Великое и малое) в Ирассе,
Где он с Гераклом бился, восставал,
Поверженный, набравшись новых сил
У матери-Земли, но под конец
Был поднят в воздух, сдавлен, и погиб -
Так Искуситель, многожды отпор
Встречая, был тольми гордыни полн,
Что приступ длил, доколь позорно пал
Оттуда, где стоял и чаял зреть
Паденье Победителя. Так Сфинкс,
Когда Эдип загадку разрешил,
Повергся в пропасть с Исменийских круч.

Так в ужасе, в смятенье рухнул Враг,
И Адскому Совету весть принес:
Не уповайте боле на успех;
Вкусил и страх, и горечь, и тоску
Спасителя дерзнувший соблазнять.
Пал Сатана; и шаровидный огонь -
Сонм ангелов — как молния слетел;
И ангелы, на крылья взяв легко
Спасителя, как на пернатом ложе
Его сквозь воздух ласковый несли;
В далеком доле, в травах у ручья
Ступил Он наземь; и накрыли стол
Божественный; и были там плоды
От Древа Жизни; тожде и питье
Небесное, что пролил Жизни Ключ.
И Божий Сын восполнил убыль сил:
За шесть седмиц впервые Он вкусил
Питья и пищи; а небесный хор
Пел антифоны в честь Его побед
Над искушением и над Врагом:
"— Ты Отчий Образ Истинный, и Свет
От Света на престоле горнем; тож
И в скинии телесной, во плоти
Блажен людской, от Неба вдалеке;
Скиталец ли в безмолвии пустынь,
Градской ли житель, Ты всегда, везде -
Господень Сын, и мощью облечен
Божественной; и пал Первозлодей,
Эдемский тать! Его давным-давно
Ты в битве яростной с Небес низверг
Со всею ратью; днесь же Ты отмстил
Падение Адама, победив
Соблазн, и возвратил навеки Рай
Потерянный, развеяв древний ков.
Лукавый не посмеет впредь в Эдем
Вступать, чтоб соблазнять: силок разорван.
И, хоть утратил дольный Рай Адам,
Небесный Рай раскроется теперь
Ему с потомством избранным; и Ты,
Спаситель, их восстановил в правах;
Блаженны суждены им времена
Без страха пред соблазном и Врагом.
А ты, Гееннский Змий, средь облаков
Недолго будешь властвовать: звездой
И молнией с небес падешь во прах,
Господню Сыну под ноги; восчуй
Не смертную, но первую из язв,
Предвестницу конца. Торжествовать
В Аду не можешь; ропщет Аввадон
Близ адских врат. Отныне устрашись,
Убойся Божья Сына: без оружия
Развеет Он, возвысив грозный глас,

Тебя с твоими ратями; бежать
Вы будете, и прятаться в свиней,
Дабы окованными в бездну бездн
До срока вас на муки Он не вверг.
Хвала Господню Сыну, всех миров
Наследнику! Смиритель Сатаны,
Гряди на подвиг славный, и спасай
Для жизни вечной человеческий род."
Так пели победившему хвалу
Спасителю; скончав же чудный пир,
Сказали путь домой, и вскоре Он
Под Материнский воротился кров.